

СТАНИСЛАВ БЕЛКОВСКИЙ

БИЗНЕС ВЛАДИМИРА ПУТИНА

Политический компромат

Станислав Белковский
Бизнес Владимира Путина

«Алисторус»

2014

Белковский С. А.

Бизнес Владимира Путина / С. А. Белковский — «Алисторус»,
2014 — (Политический компромат)

Автор этой книги Станислав Белковский – самый популярный российский политолог, учредитель и директор Института национальной стратегии. Произведения С. Белковского отличаются остротой, яркостью, большим количеством фактического материала о деятельности высших кругов российского руководства. В книге «Бизнес Владимира Путина» автор показывает, каким образом Путин наживал свои капиталы и куда он их направлял. По мнению С. Белковского, главная цель жизни и деятельности Владимира Путина – чисто деловая, а президентство – это просто бизнес.

© Белковский С. А., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Специальная теория Путина	5
Апология Владимира Путина	8
Закат Владимира Путина	13
Уход Владимира Путина	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Станислав Александрович Белковский

Бизнес Владимира Путина

Специальная теория Путина

Гигант либерально-демократической мысли, отец всей и всяческой демократии, особа, приближенная к Всемирному Правительству, короче говоря, сам Збигнев Бжезинский опубликовал в *Wall Street Journal* программную статью «Московский Муссолини». В статье гигант на полном серьезе уподобил Владимира Путина Бенито Муссолини, а малахольный путинский режим – итальянскому фашистско-корпоративному государству 1920-1930-х годов прошлого века.

По мнению т. Бжезинского, российская элита тоскует по великодержавному имперскому статусу России, воспринимает независимость Украины и Грузии как оскорбление, а сопротивление чеченцев (надо понимать, сугубо мирных гуманитарно-либеральных чеченцев, каковые мухи не обидают. – С Б.) русскому господству – как террористическое преступление. «Дуче добился того, чтобы поезда ходили по расписанию. Фашистский режим пробуждал чувство национального величия, дисциплину и превозносил мифы о якобы великом прошлом. Точно так же и Путин стремится сочетать традиции ЧК со сталинским стилем руководства страной военного времени, с претензиями русского православия на статус Третьего Рима и со славянофильскими мечтами о едином огромном славянском государстве, управляемом из Кремля».

Вот так говорил Бжезинский.

М-да. Я давно подозревал, что этот поваренный в холодных войнах гарвардский специалист ни черта не понимает в России. Но кто бы мог подумать, что настолько не понимает! С такими мощными стариками в роли идеологов-аналитиков непросто будет вашингтонскому обкому выстраивать восточную политику XXI века, ох как непросто.

Непонятно, где и при каких трагических обстоятельствах встречал отец всемирной демократии представителей нынешней российской элиты, тоскующих по имперскому статусу России. Как человек, всегда живущий в неподдельно ненавидимой Бжезинским стране, я могу утверждать, что сегодняшняя наша элита тоскует по миллиардам зеленоглазых долларов и сахарным пескам загадочных островов, а разговоры о нации и империи воспринимает как опасную попытку отнять у нее время или – того хуже! – развести на деньги. Ну да ладно, бог с ней, с элитой. В конце концов, рассуждения бодрого старца о православии и Третьем Риме находятся вполне на уровне студента второго курса кулинарного техникума – и только сладострастно бородатый русский либерал, готовый воздвигнуть себе мраморным кумиром любого всамделишного врага России, может относиться к бжезинской теософии всерьез.

Нельзя не отметить нескольких вопиющих цивилизационно-культурных несуразностей «московского Муссолини». В неофашистской стране, начертанной на карте экс-РСФСР тлеющим воображением старого технократа, поезда ходят по расписанию – совсем как при дуче. Уважаемый товарищ Бжезинский! Постарайтесь осмыслить простую вещь: если вы оказались в стране, где что-то ходит по расписанию, то эта страна – точно не Россия. Вас, наверное, просто обманули организаторы вашей пропагандистской поездки. Требуйте неустойки после отстоя пены!

Впрочем, не интеллектуально-научный уровень либерального мегакумира – предмет нашего исследования. А образ Владимира Путина, нынешнего президента России, которого все чаще сравнивают и с Муссолини, и с Франко, и даже с Наполеоном I Бонапартом.

Авторы таких метафор – или безнадежные простаки, или беззастенчивые льстецы. Третьего, увы, не дано.

Муссолини, Франко, тем паче Наполеон Первый были людьми власти. И беззаветно любили они *самое власть*. Ту мистическую субстанцию, которая дает ее носителю истинное право вершить судьбы малых сих и потому делает властителя подобным Богу. Эта субстанция не хранится в сейфовых ячейках банков первой категории надежности. Ее нельзя измерить на вес и растворить в воде. Запредельно сладостный вкус власти открывается немногим счастливчикам. А добывается этот вкус – на баррикадах, в землянках, на раздраженных полях сражений.

Тот же Бенито Муссолини, настойчиво поминаемый Бжезинским в контексте Путина, в 1922 году пришел к власти, возглавив поход 26 тысяч яростных сограждан на Рим.

Можно ли представить себе Владимира Путина во главе многотысячного похода на Первопрестольную?

Вообразим ли Путин, сидящий с подствольным гранатометом в блиндаже перед решающим вооруженным броском в пекло борьбы за власть?

Наконец, смотрится ли Путин даже в умеренно интеллигентной роли лидера парламентской оппозиции?

Очевидный ответ на все три вопроса: нет.

Путин и Муссолини (а также Гитлер, Франко и далее до А. Г. Лукашенко) – всходы разных посевов.

При Бенито Муссолини в Италии было очень много плохого. И мы все это знаем (спасибо не столько Бжезинскому, сколько советскому курсу всемирной истории). Мы знаем, кроме всего прочего, что погубил дуче и его режим альянс с Адольфом Гитлером.

Но было при Муссолини и кое-что не очень плохое.

С 1922 по 1938 год население Италии выросло на 15 %.

За время правления Муссолини была практически полностью разгромлена мафия.

В 1929 году был подписан Латеранский конкордат, в результате чего католичество стало государственной религией Италии, а во всех школах страны было введено преподавание основ католицизма.

В 1932 году был учрежден Венецианский международный кинофестиваль. В 1934 и 1938 годах сборная Италии выигрывала чемпионаты мира по футболу.

А вот так говорил Муссолини. Послушайте.

«Человек – это индивид, связанный с нацией, с Отечеством, подчиняющийся моральному закону, связующему индивидов через традицию, историческую миссию, чтобы в сознании долга создать высшую жизнь, свободную от границ времени и пространства. В этой жизни индивид путем самоотрицания, жертвы частными интересами, даже подвигом смерти осуществляет чисто духовное бытие, в чем и заключается его человеческая ценность».

«Нация не есть раса или определенная географическая местность, но делящаяся в истории множество, объединенное одной идеей, каковая есть воля к существованию и господству, то есть самосознание и, как следствие, личность».

«Стремление к империи, то есть к национальному распространению, есть проявление жизни; обратное – „сидение дома“ – признак упадка. Народы, возвышающиеся и возрождающиеся, – всегда империалисты; умирающие народы отказываются от всяких претензий».

Ну и при чем здесь, спрашивается, Владимир Путин?...

Если присмотреться, то нельзя не увидеть, что наш президент любит не власть, а атрибуты власти. Дворцы, самолеты, лимузины, яхты, почетные караулы, Charles Lafitte 1815 года

издания, хрустящего вальдшнепа в соусе белой калины, слова «Геркуланум» и «Корфу», тени Шредера и Берлускони. И народные восторги, конечно. И вертикальное сияние виртуального рейтинга, на протирание которого ежегодно списываются мегатонны сверхчистого кремлевского спирта.

Но власть как орудие мрачного демиурга, как поле, в котором вспыхивает разряд сияния, для Путина почти невыносима, словно состарившаяся опостылевшая любовница из нищих студенческих лет. Почти каждый, кто смотрит иногда общенациональное русское телевидение, научился видеть, что от бремени власти демократически избранный президент РФ становится буквально серо-зеленым. Как прибрежное море в пахучем районе индустриальной Одессы.

Еще раз попробуем представить себе Владимира Путина, выходящего к пятисоттысячной толпе и бросающего в нее: «Вы готовы умереть за меня и Россию?» А в ответ – колыхание восторга и неистовый рев.

Представили? Не выходит?

То-то же. А вы говорите: Муссолини, Муссолини.

2004 г.

Апология Владимира Путина

На моего президента Владимира В. Путина обрушился шквал оскорблений и обвинений. В кампании по очернению всенародно избранного поучаствовали почти все ведущие СМИ мира, а сырьем для их грязных пасквилей служили заведомо ложные измышления русских либералов.

Как физическое (в какой-то неисчезающей степени) лицо и гражданин (на 100 %) Российской Федерации, я не могу скрыть своего возмущения. Кто-то должен в эту историческую секунду защитить лысоватого одинокого Путина – и если не я, то кто же?

Давайте взглянем в эту фантастическую грязь: в чем патентованный либерал привык обвинять сутулого, посеревшего от властного бремени Хозяина Земли Русской (ХЗР)?

Обвинение первое. Путин – закоренелый чекист, и устанавливает он в России не что иное, как чекистскую диктатуру. Задача же чекистской диктатуры есть восстановление СССР.

Тот, кто утверждает нечто подобное, на мой сокровенный взгляд, начисто лишен:

а) доступа к правильной информации;

б) способности анализировать даже ту полуправильную информацию, которая у него есть.

В действительности же все обстоит немного (точнее – совсем) не так.

В системе КГБ СССР Владимир В. Путин был аутсайдером, если не сказать – классическим неудачником. В 1990 году за плохую вербовочную работу его отозвали из Дрезденского дома культуры и поставили на неприлично низкую должность помощника проректора Ленинградского госуниверситета по международным связям. Система отторгла своего нерадивого воспитанника. Чекистская карьера будущего ХЗР стремительным домкратом шла под откос. Спас же Владимира Владимировича человек, который (что бы там ни говорили злые языки про всякие подписки и расписки) выступал в роли главного врага КГБ, – Анатолий Собчак, самый демократный демократ. Путин как политико-экономическая личность сформировался именно в честной и либеральной, как питерское болото, команде Собчака. Где ему приходилось отвечать, помимо всего прочего, за деликатные контакты с организованными финансово-торговыми группировками, контролировавшими в то расветное время почти всю экономику Петербурга. Оттуда, из собачьей толщи «криминальной столицы», – все основополагающие воззрения и представления Путина о предмете, имя которому – власть. А власть, сообразно этим представлениям, бывает только у того, у кого есть две самоценные вещи: а) деньги; б) автомат имени Калашникова.

Привычное рассуждение о том, что при Путине бывшие сотрудники Системы проникли на тысячи тысяч властных и околовластных позиций, есть результат недобросовестной интерпретации простых статистических данных.

Да, абсолютное число экс-комитетчиков на чиновных позициях день ото дня растет. Но эта страшная для либерального ума тенденция сложилась вовсе не в первом десятилетии XXI века, а значительно раньше – в благословенные времена Бориса Ельцина. Еще в начале 1990-х годов, когда казавшийся вечным КГБ СССР нечаянно развалился, многие чекисты оказались востребованы вне Системы, поскольку представляли собою квалифицированную, умеющую хранить секреты и сравнительно недорогую (потому что не избалованную шальным баблом) рабочую силу. По мере деградации постсоветских органов ГБ оставшиеся в живых специалисты постепенно покидали Лубянку – и оказывались на гражданских должностях, причем не только в государственных, но и в самых что ни на есть коммерческих структурах.

Но при этом на ключевых постах, счастливые обладатели которых причастны к стратегическим решениям, чекистов как не было, так и нет.

Но главное, конечно, не в формальных особенностях происхождения новейших русских вождей. Суть – в идеологии. Классический чекист всегда мечтал о великой Империи от южных гор до северных морей и гордился тем, что именно он оберегает это невиданное в истории Нечто (правда, события августа 1991 года показали, что не так уж страшен был КГБ, как он сам про себя думал, но речь сейчас не об этом). А современный кремлевский чиновник думает только о том, сколько накапало на его персональных пенсионных счетах всемирного значения в банках первой категории сложности. Ну еще, конечно, – о яхтах, «мерседесах», разнообразиях горных лыж и о том, стоит ли купить 16-летней любовнице домик в Барвихе, чтоб далеко не ездить, или пока что рановато. Нет, совсем не кагэбэшное мышление получается.

Правящий клан рассуждает так, как рассуждал какой-нибудь маститый вор, державший в трепете сумбурный Питер 15–10 лет назад. А именно:

- страна нужна и полезна нам как источник доходов, и только для этого (для проедания и завещания доходов существуют другие страны, белые и нежные, как пятизвездное пляжное полотенце);

- все центры прибыли надо брать под контроль;

- прибыль надо как можно быстрее выводить отсюда подальше, пока ее кто-нибудь не нашел и не откусил;

- все центры убытков надо ликвидировать – или загружать ими лохов;

- более слабых надо уничтожать, с более сильными – дружить, чтобы тебя не съели.

Вот отсюда – и «дело ЮКОСа», и монетизация льгот, и реформа ЖКХ, и миролюбивая внешняя политика. Отсюда – и сверхизящное поведение на Украине, где Кремль добивался вовсе не восстановления СССР, а уважения к собственным натужно растопыренным пальцам.

Так что, если вдруг в полночь на Красной площади вы услышали неведомый и тяжелый деревянный скрип, знайте: это столп советского гэбизма Юрий Владимирович Андропов ворочается в своем черством номенклатурном гробу.

Обвинение второе. Путин – антилиберал, враг ценностей 1990-х годов.

Пусть вырвут лгуну его гнусный язык.

Нынешний ХЗР – самый настоящий либерал в неподдельно гайдаровском понимании этого слова.

При Путине приватизация зашла так далеко, как в начале девяностых никакой Чубайс и предположить не мог. Продано все (тут положено сказать: кроме совести, но язык не поворачивается; совесть ведь тоже была в программе разгосударствления-расчеловечивания экономики). И не только природные богатства стали частными. Вот-вот все научно-исследовательские институты, театры и музеи предстанут обычными объектами недвижимости, пригодными для размещения бизнес-центров категории Б. И любой либеральный экономист (тот самый, который привык рассуждать про тоталитаризм по-путински), конечно, скажет: так и надо поступать, на кой этой безграмотной стране столько ученых, актеров и режиссеров, несерьезно это все как-то, и кто не может прокормить себя по-рыночному, с цыганами и черной икрой, – тот пусть отправляется во влажную и темную задницу новейшей истории.

«Дело ЮКОСа»? Полноте, никакой национализацией там и не пахнет. Просто одни пацаны отобрали у других, воспользовавшихся рыночной неадекватностью последних. «Роснефть» же – просто перевалочная база, сортировочная станция, которая и не потребовалась бы, если б не всемирный вопль про неприличное ничтожество тверской конторы «Байкалфинансгроб». Ведь мудрый Греф изрек: и «Роснефть» будем приватизировать, и «Газпром». И кому отдадим, тоже боль-мень известно. А что, разве в ревушие девяностые было не так? И «Сиданко» отбирали, и алюминиевые заводы, а про всякие там страховые компании и банки уж и говорить не приходится. Так что YUKOS affair – логичное продолжение наших девяностых с их неизбытым диким либерализмом, где, как завещал великий Егор Тимурович Г., кто сильнее – тот и прав. И никаких гвоздей.

Говорят еще, Путин поправил свободу слова. Которая совсем недавно цвела пышным лунно-пионовым цветом.

Мы с Путиным так не считаем.

С 1994 по 2001 год за свободу слова в РФ отвечали Березовский и Гусинский. Они объяснили стране, что «собственность» и «свобода» – синонимы. У кого собственность на СМИ – тот и имеет право на точку зрения. И никакое слово за пределами интересов собственника не существует, не живет, не дышит и уж точно никого не волнует.

Именно это утверждает сегодня и Владимир Владимирович. Нет никакой свободы слова как самостоятельной сущности, говорит он. А есть медиа-брехня как способ обслуживания частных интересов. Поэтому если сегодня я работаю Березовским и Гусинским (одновременно), то я и определяю, где, когда, кому и зачем говорить. Придут за нами другие – будут определять они.

Да, Путин кое-где у нас порой довел линию 1990-х годов до абсурда. Но именно эту самую линию – никакой другой он вязкими пальцами на русском песке не чертил.

А пресловутая монетизация льгот? Не мечту ли Гайдара воплотил заскорюзлый наш ХЗР? Ее, ее, болезную.

И не случайно русский либерал, столь раздраженный всем путинским, во дни народных выступлений против монетизации возопил: сплотимся вокруг тела Кудрина – Грефа (мертвенно-бледное слово «Путин» произносить боялись, чтобы на Западе не подставиться), а было – в стойло!

Ибо имеющий компетентные органы чувств да чувствует компетентно: Путин и Гайдар (оно же – Чубайс) – суть одно. И замена фирменного рыжего причмокивания на феррохромный голливудский взгляд нисколько не искажает хрустальную в первозданности своей суть дела.

Обвинение третье. Путин – враг Запада, тоскливо-сумрачный апологет азиатчины, и за граница ему вот-вот покажет, где зимуют омары (они же, кажется, лобстеры).

Долго рассуждать тут нечего. Пора признаться: Путин вполне устраивает Запад вообще и Соединенные Штаты в особенности.

Да, на словах ХЗР позволяет иногда просто бешеные антизападные вольности. Например, про то, что всеобщие, как солнечный свет, выборы в Афганистане и Ираке – фуфло несусветное, а никакое не торжество демократии. (И в эти минуты с президентом РФ хочется истово согласиться.)

И еще любит наш Верховный Главнокомандующий, заводя литаврами машинерию скул, говорить что-то про возрождение армии и новейшее сверхоружие, которым страна с ее миллионом голодных, оборванных, изверившихся вояк будет грозить всему нецивилизованному миру. Слышали мы и про то, что нельзя быть слабыми, потому что слабых бьют и мы. др.

Но в священных чертогах Вашингтонских Белых Домов сидят не такие простецы, как наши русские либералы с патриотами. Там заседают люди, умеющие отличать пустопорожнюю PR-риторику от подлинной сути дела. А суть дела такова: все, что в реальной действительности творит Путин во внутренней и внешней политике, очень даже отвечает интересам США.

Именно Путин взял твердый курс на превращение России в провинциальное государство-нацию, похоронив имперские экспансионистские устремления (империалистом может считать ХЗРа лишь тот, кто никогда не интересовался истинным смыслом слова «империя»).

Это Путин сделал так, что источником легитимности для постсоветских режимов стал Вашингтон. Даже при Ельцине таким источником была Москва: ни один лидер в бывшем СССР не мог чувствовать себя в безопасности, если он – подобно Звиаду Гамсахурдиа или Абульфазу Эльчибею – нарочито поворачивался к Кремлю неширокой потной спиной. Сейчас позиция Кремля уже никого, по большому счету, не интересует. Даже базарных коммунистов бедной Молдавии.

Ввязавшись в дружескую войнушку с каким-то там мировым терроризмом (который терроризирует почему-то тогда и только тогда, когда это нужно Вашингтону, а в паузах живет строго по заветам неуловимого ковбоя Джо), Путин разрешил американцам устроить военные базы прямо в СНГ. И ничего не попросил взамен. Ну не душка, а?

В СНГ Путин вообще усиленно действовал по принципу «бей своих» (чтоб чужие не боялись – теперь поговорка звучит и выглядит так). Грубее и жестче всего он обошелся с белорусским лидером Александром Лукашенко, который в девственной мечтательной простоте хотел сделать Беларусь «младшей Россией». И конечно, гуманитарно-животворящий Запад аплодировал тому, как Москва топчет своего главного постсоветского союзника.

В 2001 году Путин, не поморщившись, закрыл военную базу в Камрани и радиоэлектронный центр в Лурдесе, обесмыслив существование постсоветского военно-морского флота. У страны, где более 50 человек зарабатывают порядка 1 млрд. долларов в год, не нашлось 150 млн. долларов в год для поддержания своих стратегических объектов.

В 2002 году ХЗР подписал судьбоносный договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Россия отказалась от межконтинентальных баллистических ракет шахтного базирования (которые, в отличие от рублево-успенских унитадов из чистого золота, нашей стране, разумеется, на фиг не нужны). А в Братиславе признал, что американцы, как люди аккуратные и внимательные, должны быть допущены к контролю над нашим ядерным потенциалом – дабы вечно пьяный ракетчик Пахомыч его за ящик иранской водки кому-нибудь не впарил.

Но более всего Путин преуспел в демонстрации своего русского бескорыстия. С фантастической скоростью нынешняя Россия отдает свои долги и списывает чужие.

На 93 % одним махом Путин согласился уменьшить долг Ирака – с 10,5 млрд. до 0,9 млрд. долларов. Страна наша, у которой уже почти нет армии, где разлагаются на корню фундаментальная наука и система образования, настолько не знает, куда девать деньги, что приняла программу досрочного погашения внешнего долга за счет средств неприкосновенного стабфонда. Зачем, понятно: ведь через несколько лет теперешние распорядители стабфонда поселятся в Баден-Бадене (варианты: Сен-Тропез, Сотогранде, Коста-Смеральда), и они хотят честно и прямо смотреть в глаза западным кредиторам: отдали, все отдали, ничего этой мерзопакостной России не оставили.

И даже аналогия со сверхуспешным долгоотдавателем Чаушеску никого из них не смущает.

Владимир Путин возглавляет когорту начальников, которые связывают свое личное и семейное будущее с уютным, как придорожное кафе, марципановым Западом, и только с ним. Уже поэтому ХЗР действует и будет действовать строго в русле пожеланий Сверхдержавы. И в силу этого он Сверхдержаве понятен, удобен и выгоден.

И если в России случится какая-нибудь заваруха и трон Великого Монетизатора покачнется, то Мировой Гегемон как пить дать придет Путину на помощь. Пусть те, кто за чем-то по глупости ненавидит Путина, не ждут от Запада внушительной помощи.

Собственно, когда Д. У. Буш говорил в Братиславе, что у Путина «да» всегда означает «да», а «нет» – «нет», он имел в виду примерно следующее: ХЗР всегда стратегически со всем согласен, и у русского правителя, как у соблазняемой женщины, «нет» – это «не нет», а «да, но позже». Мы, конечно, пошантажируем Америку Ираном, но потом – через годик-полтора – Иран этот сдадим и снова упадем в шелковые звездно-полосатые объятия. Мы всегда так делаем. И за эту полную до примитивности предсказуемость нас и ценят.

Да разве можно не любить такого президента? Либерала, рыночника, реформатора, западника?!

А что он некоторых профессиональных либералов оттолкнул от кремлевской кормушки – так то его право. В конце концов, еще в те самые 1990-е годы олигарх Абрамович разъяс-

нил обалдевшей от такой искренности мировой общественности смысл проекта «Ельцинский преемник»: *«Мы вовремя подсуетились и взяли под контроль эту страну, и что – мы теперь должны ее кому-то просто так подарить?!»*

Надо, кстати, отдать В. В. должное: все интересы ельцинского семейства он соблюдает неукоснительно. Футбольнометаллическое состояние Абрамовича выросло ровно в 5 раз (с 2 млрд. до 10 млрд. долларов). А про какого-нибудь Ходорковского – так никто ничего никому и не гарантировал.

Путину сейчас очень трудно, потому что власть для него становится все косматей и все тяжелей. И се, в меру скромных сил и способностей, я попытался защитить моего президента от несправедливой неумеренной критики. Кто может – пусть защитит лучше.

2004 г.

Закат Владимира Путина

Шестое послание второго президента России Федеральному собранию получилось по-настоящему закатным. Владимир Путин сознательно или бессознательно анонсировал начало конца своей политической эпохи.

Основная идея послания, которую не без труда можно выковырять из толщи громоздких пошлостей и задыхающихся на ходу фигур бюрократической речи, – элите 1990-х годов предложен новый пакт. Вы не раскачиваете мой трон и не споспешествуете революции, а я, бедный Владимир Путин:

- окончательно признаю ваше право на собственность, полученную за 12 лет специфической приватизации; отсюда – предложение сократить срок исковой давности по приватизационным сделкам с 10 до 3 лет, а заодно упразднить налог на наследство;
- обеспечиваю легализацию ваших капиталов;
- гарантирую вам иллюзию свободы слова и «национальной дискуссии» в некоем формате, условно принятом при Борисе Ельцине.

Владимир Путин обещал тем, кому еще недавно поручал «прекратить истерику», ненавязчивую благосклонность налоговых органов и обуздание алчной бюрократии, перепутавшей частные интересы с миссией служения государству.

Итак, кровожадного чекиста Путина, которым экзальтированные либералы пугали любимых племянников, больше нет. Теперь все будет как при Дедушке (Ельцине). И в этом сонном единстве президент и его элита доживут до дня передачи власти престолонаследнику, которого совместно и выберут.

Как бы не так.

Мир – это война

Предложив элитам новую рамочную конвенцию, Владимир Путин решительно подрубил политико-исторический сук, на котором сидит.

Потому что до сих пор легитимность Путина как правителя определялась двумя факторами:

– его статусом и ролью Царя, всероссийского самодержца, чья власть трансцендентна и уж, во всяком случае, не нуждается в оправдании со стороны всяческой твари земной; в этом смысле общенародные выборы были лишь симулятивным инструментом оформления надмирной воли;

– «путинским большинством» – примерно 55–60 % граждан России, пресловутым «электоральным болотом», которое голосовало за Путина – внимание! – как за концептуальную, эстетическую и стратегическую альтернативу Борису Ельцину, качественно иную эстетико-политическую парадигму.

Не мир и стабильность привели Путина в кремлевские палаты, но – война. Не метафорическая, а вполне конкретная вторая чеченская война (1999 года). И в 2003–2004 годах триумфу «Единой России» и ее неформального лидера (президента) премного способствовала другая война – «дело ЮКОСа». После которого стало ясно, что российская власть, как ей и положено, не боится никаких денег и ни от каких ресурсов, кроме своих собственных, принципиально не зависит. И потому имеет право считаться и называться Властью (с большой буквы В).

«Болото» в купе со значительной частью коммунистического электората изначально под-держало и долго поддерживало Путина как лидера, который положит конец эпохе 1990-х годов,

обеспечит радикальную модернизацию элит и вернет российской власти первозданный священный статус. Как полководца победоносной войны против позорного и унижительного ельцинского прошлого.

И для оправдания своей власти Владимир Путин вовсе не нуждался в легитимации на уровне элит. Как Царь он был уникален и независим. Именно этим обстоятельством объясняется полная неспособность элит противопоставить что бы то ни было «неконвенциональным» шагам президента. Надо «мочить в сортире» – мочим, несмотря на сложное отношение к чеченской кампании. И тогда даже Чубайс говорит, что в Чечне возрождается российская армия. Надо «истеричку прекратить» – прекращаем. И преспокойно занимаемся мародерством в былых владениях Ходорковского, сдавленным кухонным голосом критикуя Кремль, но тут же признавая: против лома верховной власти нет никакого приема – ни финансового, ни политического.

Весной 2003 года опальный олигарх Борис Березовский опубликовал программную статью, в которой утверждал: Путин скоро падет, потому что ни один слой национальной элиты его не поддерживает. Лондонский изгнанник был прав в констатирующей, но не в резюмирующей части своего высказывания. Российская власть никогда не была продуктом соглашения элит. Царь незыблем, пока он остается настоящим царем, властелином не от мира сего. И никуда царь не может деться, пока не разрушен сакральный характер его происхождения и правления. Десакрализация же власти с быстротой необычайной ведет к распаду всего властвующего организма. Так было и в Российской империи 1916–1917 годов, и в Советском Союзе 1991 года.

Теперь же в нишу исторического наследника Николая II и Михаила Горбачева неуверенным подполковничьим шагом решил вступить Владимир Путин. Именно в шестом несчастливом послании, адресованном, по сути, сформированному в 90-е годы прошлого века правящему слою, президент России постановил: революции сверху, на которую надеялось путинское большинство с осени 1999-го, уже никогда не будет. Кремль обещает – стабильность. И тем самым отменяет первичные основания своей власти.

С этого момента Путин из президента надежды окончательно превращается в президента терпения. На него больше не надеются – его терпят. Пока не появится Другой Лидер, до крови похожий на русского царя. Нечто подобное случилось все с тем же Михаилом Горбачевым во второй половине 1988 года. А через 18 месяцев на общественной поверхности возник Борис Ельцин, который моментально стал воплощением надежд страны.

При том Кремль настойчиво не замечает, что на обещании своим странам вязкой «стабильности» погорели и Эдуард Шеварднадзе, и Леонид Кучма, и Аскар Акаев. Потому что предлагаемая таким образом стабильность для большинства активного населения страны означает безнадежность. И амнистия капиталов, и декларируемая отмена налога на наследство адресованы нескольким десяткам нынешних хозяев жизни, резидентов Рублево-Успенского шоссе. И отсекает миллионы тех, кто возлагал наивные надежды на путинскую модернизацию. А там, где умерла надежда, уже не может быть и позитивного восприятия стабильности. Для армии, спецслужб, фундаментальной науки, системы образования, региональных элит, малого и среднего бизнеса, творческой интеллигенции такая стабильность равносильна неизбежности последовательного разложения и скорого умирания. «Все процессы в природе, включая старение и смерть, необратимы».

Путин расписался в том, что капитулировал перед девяностыми годами. Что он теперь намерен не только тайно, но и явно, ни от кого не скрываясь, выполнять разведздание, данное ему летом 1999 года Романом Абрамовичем, – прикрываясь имперско-реваншистской фразеологией, сохранить ельцинский *status quo* незыблемым. Разумеется, это честно. Но такая честность способна погубить любой режим – тем более подточенный кошмарной внутренней усталостью путинский.

Собственно, бархатные революции в Грузии, на Украине и в Киргизии начинались с открытого предложения властей узкому кругу выгодоприобретателей недавней приватизации договориться и оставить «все как есть». И в этом смысле скучное и занудное Шестое Послание Путина (ШПП) должно рассматриваться как бумажный буревестник непонятного и неизбежного процесса, который всегда завершается революцией. На худой конец – государственным переворотом. Последний возможен, когда и если близкое окружение президента посчитает, что хозяин Кремля самим фактом своего инерционного существования приближает революцию. А значит, кулуарное отстранение от власти делегитимизированного правителя – меньшее зло по сравнению с кровавым разгулом (а по-другому в России не будет) революционной стихии.

Путин в никуда

Из Шестого Послания вытекает, что Кремль окончательно отказался от формулирования национального проекта – стратегической программы будущего. При этом сохранение Российской Федерации в ее нынешних границах заявляется как главная ценность теперешнего правления.

«... В действительности нация никогда не бывает „готовой“, законченной. Она всегда или создается, или распадается. *Tertium pop datur*. Она либо приобретает приверженцев, либо теряет их в зависимости от того, есть ли у нее в данный момент жизненное задание (Хосе Ортега-и-Гассет, „Восстание масс“»).

В решающий момент Кремль забыл о неумолимом действии второго закона термодинамики: невозможен процесс, при котором теплота переходила бы самопроизвольно от тел более холодных к телам более теплым... Или, иными словами, в изолированной системе при необратимых процессах энтропия возрастает.

Геоисторическая сущность, не знающая своей цели и не движимая позитивной энергией созидания, не сможет остаться в целостности и сохранности. Нарастание энтропии и распад – неизбежны. Не будем сейчас вспоминать о великих империях далекого прошлого. Достаточно обратиться к опыту СССР, крах которого Путин в Шестом Послании назвал катастрофой. Как только Политбюро ЦК КПСС отказалось от национального проекта под названием «строительство коммунизма», элиты союзных республик заявили Москве: а зачем вы нам теперь? Интегрироваться в единственно цивилизованный западный мир лучше и комфортабельнее самостоятельно, поодиночке. И Союз рухнул – сначала фактически, затем и формально. Тогда же активная часть советского народа задала схожий вопрос: если мы не строим больше коммунизм, почему мы обязаны выносить эту находящуюся на грани морально-интеллектуального разложения спецраспределительную коммунистическую власть? И ЦК КПСС, до 1990 года казавшийся вечным, уже в августе 1991-го вынужден был принять решение о самороспуске. Истерика ГКЧП, настаивавшего на том, что сохранение Советского Союза потребно ради сохранения как такового, не нашла поддержки даже среди неискоренимо верных присяге советских военнослужащих.

Послание Путина свидетельствует: в Кремле заправляют люди, которые не знают ни физики, ни истории – даже в объеме школьной программы. И легче верблюда пройти через булавочное ушко, чем режиму с таким уровнем интуиции и компетентности – сохранить страну.

Усталость холодных реформ

Владимиру Путину всегда трудно давалось политическое содержание. Но человеком, талантливым по части формы, его можно было признать. В мириадах обтекаемых, ни к чему не обязывающих фраз каждый слышал то, что хотел слышать, и верил, что Путин – именно *его* президент.

В этом смысле Шестое Послание весьма показательно. Во-первых, президент уже не пытается ласкать слух и коллективное подсознательное «путинского большинства». Для своего основного электората он не сказал ничего – проехали. Во-вторых, послание представляется гораздо более тусклым, чем предшествующие пять, – а ведь и те, по большому счету не блистали литературными находками. Перед страной выступил усталый чтец-декламатор, которому, кажется, безумно надоела его официальная роль. Который хотел бы (подобно Л. И. Брежневу весной 1982 года) написать заявление об уходе, и только отсутствие четких и надежных гарантий послевластной безопасности – мешает. Пока.

По количеству же банальностей и общей вялости тона послание напомнило тексты уже не Брежнева – Константина Устиновича Черненко. Это – непобедимый симптом того, что пораженный эмфиземой легких режим идет навстречу своему финалу. Причем финалу достаточно близкому: осталось два с половиной – три года. Не меньше, но и не больше.

И главный вопрос, какой в этой связи возникает: как сделать так, чтобы период заката Владимира Путина и в самом деле не закончился распадом России?

2005 г.

Уход Владимира Путина

Вы будете смеяться, но Кремль сейчас действительно боится революции в России.

Этот панический страх возник в конце января 2005 года – сразу после инаугурации Виктора Ющенко. В тот момент кремлевские мудрецы поняли наконец, что операция по взятию власти на Украине, которая некогда считалась беспроигрышной, провалилась.

Нет, никаких серьезных изменений в российском политическом пространстве с тех пор, конечно, не произошло. Верная вертикаль власти неуклонно укрепляется. Федеральные телеканалы с каждым днем становятся все лояльнее и подобострастнее. Крупный бизнес политической демонстративно не интересуется. (Если не считать отлученных от России Березовского и Невзлина, каковые по разряду бизнеса давно уже не проходят.) Парламент штампует нужные законы с неистовой покорностью. В общем, все у Кремля хорошо. Так откуда же страх, граничащий с отчаянием?

Ответ прост: от непонимания. До украинской революции Владимир Путин точно знал, как берется и удерживается власть. И что для этого нужно. Кремлевская позиция сводилась к тому, что трех критических ресурсов – больших денег, большого телевидения и системы правильного подсчета честно поданных голосов – абсолютно достаточно для безраздельного управления народом и его выбором. Согласно этой логике, кандидат в президенты Украины Виктор Янукович, пусть дважды судимый и трижды необаятельный, проиграть просто не мог. Кремлевская система основополагающих ценностей в принципе исключала возможность выхода народа на улицу и решения вопроса о власти во внесистемной плоскости.

Однако ж – народ вышел. И не рассеялся через три дня, несмотря на предзимние холода. И водометами этот народ никто не разогнал. И когда Ющенко, вопреки фундаментальным представлениям Путина о государственно-политической жизни, провозгласили-таки президентом, Кремль понял, что универсальная политтехнологическая машина больше не работает. Хозяин Кремля в эту минуту ощутил себя капитаном космического корабля, переставшим получать сигналы из Центра управления полетом. Нет, корабль по-прежнему движется по заданной траектории и пока что не разваливается. Но ощущение, что управляемость потеряна и врезаться в смертоносный неземной астероид можно в любой момент, нарастает. Отсюда – и прорывающаяся наружу тихая путинская паника.

Разумеется, Кремль пытается скрывать, что потерял всеобщий рецепт победы. Незадачливые путинские стратеги с пеной у рта настаивают, что на Украине ничего экстраординарного не произошло, – нас просто предали Соединенные Штаты. Но в глубине души Путин-то знает: США ни при чем. Данное в начале лета 2004 года обещание не мешать победе Януковича они полностью выполнили, больше того, 23 и 30 ноября 2004 года прямо предотвратили захват восставшими ключевых административных зданий в Киеве. Значит, на самом деле проблема все-таки не состоит в позиции Америки или, по крайней мере, не только в ней.

Столкнувшись с крахом политтехнологий как способа управления миром, Кремль тем не менее собирается бороться с неведомо откуда берущейся революцией с помощью все тех же технологий. Главное орудие нарастающей контрреволюции – всевозможные потешные полки. Фиктивные молодежные организации («Наши», «опричники» и т. п.), призванные избивать врагов Кремля физически, бессловесные псевдооппозиционные фракции в составе «Единой России», которым поручено по согласованной программе мягко критиковать власть слева и справа, бутафорские «альтернативные» профсоюзы, агрессивные общества потребителей, которым будет поручено направлять народный гнев против рядового чиновника, который, в отличие от верховного Путина, на самом деле во всех бедствиях народных и виноват.

Публике предъявлена уже и контрреволюционная философия власти. Три основных элемента кремлевской доктрины таковы:

– Путин – это стабильность, а любая дееспособная (неигрушечная) оппозиция – фашизм и гражданская война;

– Путин – меньшее зло во всех отношениях;

– чтобы меньшее зло никогда не уступило место большему, нужна консолидация элит.

Еще, разумеется, власть хочет заведомо перекрыть некие только ей известные каналы финансирования революции, а потому открыто договаривается с крупным капиталом, обещая налоговую амнистию, сокращая до 3 лет срок исковой давности по приватизационным сделкам и обещая никого не мучить избыточными налоговыми проверками.

Но, делая все это, Кремль нисколько не уменьшает вероятность революции. Напротив – ускоряет и приближает сладостные революционные дни, которые могут, при неудачном стечении обстоятельств, обернуться тотальным кровавым погромом, а завершиться – торжественным и юридически оформленным распадом России.

Нищета консолидации, или проблема-175

Говоря об элите, которой необходимо экстренно консолидироваться, Кремль на самом деле имеет в виду весьма узкий кружок, состоящий примерно из 175 физических лиц: 25 крупных собственников, 50 ключевых чиновников и порядка 100 человек разномастной челяди. Все эти люди вроде как кровно заинтересованы в сохранении *status quo*. Но по-настоящему объединиться они не могут уже по той причине, что у них нет никаких общих немеркантильных ценностей. А процветание в веках нашей унылой России к приоритетным ценностям пула-175 уж точно не относится.

Единственная общая черта субъектов этой «элиты» – страсть к самому что ни на есть банальному материальному обогащению (преимущественно в прямой денежной форме). Но в удовлетворении этой страсти каждый, по определению, играет строго за себя – и, соответственно, против большинства других участников «корпорации 175». Консолидация консолидацией, а табачок, разумеется, врозь. (Именно поэтому, кстати, так печальны и неэффективны оказались всевозможные олигархические профсоюзы типа РСПП – как только общие интересы мегабизнесменов входили в противоречие с частными, последние немедленно оказывались куда важнее первых, и содержательное единство заканчивалось, не начавшись.) Любой Игорь Сечин пожертвовал бы частью путинской стабильности ради уничтожения, скажем, Дмитрия Медведева, Михаил Фридман – долей российского суверенитета во имя разгрома Леонида Реймана, а Олег Дерипаска – добрыми 50 % геополитической роли страны ради отлучения от власти, скажем, Германа Грефа (и наоборот, разумеется).

Сверх того внутри корпорации начисто отсутствует взаимное доверие, равно как и доверие к капитану корабля. Те, кого Кремль хочет консолидировать, в силу своего образования и воспитания твердо уверены: если кто-то говорит о спасении России, значит, он хочет поделить большие государственные деньги. Ибо честно говорить о чем-то, кроме денег, для этих людей, по определению, невозможно. Мыслящий так и действующий сообразно этому правящий слой никогда не станет, конечно, спонсором или тайным воздыхателем революции. Но рисковать капиталом, здоровьем, тем паче жизнью ради спасения государственности ни при каких обстоятельствах не станет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.